

Денн М. Творчество Н.Лескова с позиции концепции внутренней формы слова Г.Шпета и А.Потебни

English version: [Dennes M. N.Leskov's creativity in a frame of G.Shpet and A.Potebnja concept of the inner form of word](#)

Университет им. Мишеля Монтеня Бордо 3, Бордо, Франция

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В статье проводится сравнительный анализ подходов к проблеме внутренней формы слова в трудах В.Гумбольдта, А.Потебни и Г.Шпета, показывается значение концепции Шпета о динамическом соотношении внешней и внутренней форм для анализа творчества Н.Лескова.

Ключевые слова: внешняя форма, внутренняя форма, значение слова, семасиология, этимология, Густав Шпет, Потебня, Лесков

Но почему, я все-таки не могу быть вполне с Лесковым или, вернее, современными его подпевалами.
Г.Г.Шпет в письме к Н.И.Игнатовой (26.02.1921)

В настоящее время творчество Густава Шпета – предмет не только реабилитации, но и национального и международного признания. Его труды, опубликованные в последние годы и имеющие огромное научное значение, открывают нам малоизвестные страницы интеллектуальной жизни России десятых-двадцатых годов двадцатого столетия, с ее высоким уровнем философских размышлений и их применением к различным областям знания.

Мы не собираемся детально останавливаться на этом, – мы лишь хотим показать, что философская мысль Шпета, затрагивающая эстетику и философию языка, позволяет по-новому увидеть творчество Николая Лескова и внести немаловажный вклад в работы, выполненные в рамках русского формализма, столь активно возобновляемого и развиваемого сегодня как в России, так и за ее пределами.

Мы не добавим ничего к тому, что уже было сказано до нас о стиле Николая Лескова, о значении его словесного творчества (довольно долго, однако, полагаемого архаичным), о тех зачастую парадоксальных связях, которые могут быть установлены между личным опытом Лескова и теми изменениями, которым он подверг морфологические и синтаксические формы языка, ранее считавшиеся неизменными.

Мы ограничимся лишь некоторыми предложениями, основанными на той роли, которую имеют размышления Густава Шпета для дополнительной интерпретации творчества Николая Лескова. Мы основываем свою позицию на двух основных идеях.

1. Интерес Шпета к проблемам философии языка, опосредованный его вниманием к взглядам В.Гумбольдта, отсылает нас к работам русского лингвиста Александра Потебни. Действительно, если творчество Лескова в некоторых своих аспектах отражено в произведениях Потебни, то интересно также посмотреть, как критика Шпетом Гумбольдта, далекая от совпадения с идеями Потебни, создает базу для нового видения работы Николая Лескова над языком.

2. Использование Густавом Шпетом понятия внутренней формы слова, заимствованного у Потебни, но трактуемого оригинальным и более философским образом, в большой степени основано на критическом подходе к понятию внутренней формы языка Гумбольдта. Именно понятие внутренней формы слова, переосмысленное Шпетом, который придал ему структуру, логику и характер почти универсальной ценности, позволяет прояснить в наследии Лескова ту работу словотворчества, которая была выполнена русским писателем.

Для начала мы попытаемся последовательно проследить сходства и различия линий критики Гумбольдта со стороны Потебни во второй половине девятнадцатого века и со стороны Шпета в конце двадцатых годов следующего столетия.

Прежде всего заметим, что Потебня, как и Шпет, дистанцируется от излишне метафизической точки зрения Гумбольдта, базирующейся на кантианском дуализме и, соответственно, на фундаментальном разделении эмпирического и трансцендентального. Однако, в то время как интерпретация Потебни, развитая уже в работе «Мысль и язык» (1862), очевидно склоняется к позитивистской точке зрения, и в частности к психологизму, интерпретация Шпета, также противостоящая гумбольдтовской метафизике, тяготеет к подчеркиванию фундаментальной логики, структурного основания онтологического значения, конституированного всей реальностью.

Психологизм и позитивизм Потебни обращают нас к *внутренней* точке зрения по отношению к миру речевых феноменов, позволяющей определить их вариации и модификации, но не достигающей, тем не менее, универсальной валидности. Логическая перспектива Густава Шпета, основанная на исходно философской рефлексии и имеющая онтологическое значение, действительно отбрасывает дуализм – во имя непосредственного опыта всей тотальности языковых феноменов [Шпет, 1996][1]. То, что в итоге остается, – структурная инварианта, порождающая динамизм языка.

Как и Потебня, Густав Шпет заимствует у Гумбольдта идею, что язык является деятельностью. Между тем, если Потебня вслед за Штейнталем выводит динамизм языка через апелляцию к истории и объясняет его внутренние изменения эволюцией отношений между языком и мышлением [Березин, 1975, с. 76–84], Густав Шпет отказывается от подобного историзма и ставит динамизм языка в зависимость от процесса его конституирования, заимствуя данную проблематику у Гуссерля.

Факт несоответствия языка мысли, согласно Потебне, связан с вариативностью этимологического значения слова. Теория «наивного» значения слов, первоначально соответствующих эмпирической реальности, очевидно, присутствует в его интерпретациях. Именно к ним, к этим первичным словам, и обращает нас этимология, и именно они модифицируют внутреннюю форму слова в ходе эволюции.

В этом смысле внутренняя форма слова – так, как ее понимает Потебня, есть сущность изменяющаяся, теряющая свое значение и в конце концов исчезающая. Исходя из анализа творчества Л.С.Выготского, в недавно вышедшей статье В.П.Зинченко хорошо показывает эту неопределенную и неустойчивую природу внутренней формы слова у Потебни [Зинченко, 2006].

То, что называется также *образом* [Fontaine, 1995], занимает промежуточное положение между внешней, звуковой формой слова и тем, что Потебня называет *содержанием*, или – иногда – *значением*. Иными словами, для Потебни это то, что создается в ходе истории и эволюции языка и что заставляет слово терять любое соотнесение с реальностью, фиксируясь во все более и более чистом соотнесении с мыслью, превращаясь во все более произвольный знак. Интересно заметить, что именно от этой мысли Потебни отталкивается в своем анализе Г.Шпет.

Непосредственные ссылки Шпета на работы Потебни довольно редки. Во «Внутренней форме слова» он цитирует его только вначале [Шпет, 1996, с. 51], но отмечает, что это не означает, конечно же, отсутствия дальнейших имплицитных ссылок. Стоит обратиться к «Эстетическим фрагментам» [Шпет, 1989], опубликованным в 1922 году, чтобы обнаружить открытую критику, о которой мы уже упоминали: Шпет утверждает, что, возвращая внутреннюю форму этимологии, «Потебня компрометирует само понятие внутренней формы языка» [Там же. С. 447]. В.П.Зинченко ссылается на В.В.Бибихина, который в работе 2001 года отмечает исключительные последствия позиции Потебни для анализа понятия внутренней формы, а именно – ее, собственно говоря, исчезновение [Бибихин, 2001].

То, что процитировано далее из Потебни, является весьма показательным: «Параллельно с формированием понятия теряется внутренняя форма – так, как это происходит для большинства коренных слов... Слово становится чистым индикатором мысли, оно более не стоит между звуком и содержанием, в сознании говорящего не остается более никакого посредника» [Шпет, 1996, с. 111].

То, что Шпет выделяет из концепции слова Потебни и что являлось для последнего наследием Гумбольдта, прошедшим через фильтры взглядов Штейнталя и Буслаева, суть следующее: слово отдалается от индивидуальной реальности и изначально помещает говорящего в некоторую общность, которая передает и сохраняет фиксированные и общеупотребляемые значения. Только слово организует мир и создает его для человеческой общности. Именно в рамках такого «созданного» мира, на базе коллективно принятых значений, язык может выступать как подлинное средство художественного творчества.

Начиная со своих собственно философских работ («Явление и смысл» [Шпет, 2005], «Сознание и его собственник» [Шпет, 1994]) Густав Шпет обращается к этой проблеме – проблеме дистанции, неотвратимо устанавливающейся между чистым опытом субъекта и его выражением. Это станет в дальнейшем постоянно возобновляющейся темой его работ – вплоть до 1927 года. К ней примыкает другая тема, которую Шпет, как и Потебня, позаимствует у Гумбольдта и которая станет лейтмотивом «Эстетических фрагментов» и «Внутренней формы слова», а именно – мысль о том, что язык никогда не позволяет достичь абсолютного понимания. То, что произносится говорящим, всегда в определенной степени оказывается плохо понятым, интерпретированным и измененным, и лишь на основе аналогичного опыта и креативного акта слушателя возможно возникновение определенного уровня понимания.

При размышлениях о слове, и особенно о его внутренней форме, историзм позволил Потебне соотнести индивидуальное и коллективное посредством языка: по аналогии с тем, как чистый индивидуальный опыт постепенно «уходит в сторону» в результате употребления языка, Потебня различает удаленное значение, свойственное индивиду («дальнейшее»), и значение, свойственное народу («ближайшее») [Березин, 1975, с. 86].

Что же касается Шпета, то он не придерживался этой точки зрения, отмеченной одновременно и историзмом, и психологизмом. Для него приоритетным станет стремление освободить акт означения для того, чтобы он стал актом говорящего или слушающего, и показать, что данные акты существенны и действительны не только в любой общности, но также в любой области знания, что анализ семасиологического (семантического) значения естественных языков может быть продуктивным и для других типов языков, математических в том числе. Переход от логики к семиотике имплицитно содержится в подходе Шпета, исключавшем генеалогический подход Потебни. Шпет подчеркивает значение базовой структуры слова – динамического соотношения внешней и внутренней форм, содержащей энергию, которая является основанием экспрессии, творчества и коммуникации и, следовательно, конституирующей мир культуры[2].

Для того чтобы прийти к этой мысли, Шпет подвергает многочисленным изменениям понятия, использованные Гумбольдтом и Потебней. Так, первоначально, еще в 1914 году в работе «Явление и смысл», критически анализируя феноменологию Гуссерля, он упрекает его в чересчур неясном употреблении слов Sinn и Verdeutung (смысл и значение) и с герменевтической точки зрения выделяет три элемента структуры слова – значение, смысл и энтелехия[3]. Тем самым у Густава Шпета понятие значения имеет много общего с термином, использованным Потебней, который понимал под значением то, что образовалось и зафиксировалось в языке посредством специфических грамматических форм. Но в противоположность Потебне и вследствие своего не исторического, а логического видения Шпет не делает различий между одинаковыми типами значений.

Взамен, вследствие внимания к процессам конституирования слов, он понимает под смыслом содержание, соответствующее выражению того, что было воспринято или установлено индивидом (эквивалентное ноэтико-ноэматическому содержанию интенционального акта у Гуссерля). Что же касается энтелехии, то она рассмотрена Шпетом как то, что объединяет значение и смысл и придает им специфическое содержание, как то, что является результатом творчества, воспроизводящего уже существующее или продуцирующего новое понятие. Последнее – возможность продуцирования

нового понятия – соответствует «квази-энтелехии», которая в 1914 году, в рамках феноменологического подхода, была определена как модификация интенционального сознания, а затем понималась как основание любого процесса эстетического или словесного творчества.

Мы имеем здесь тем самым три элемента того, что в работе 1927 года будет определено Шпетом как «внутренняя форма слова». Так же, как в своих предшествующих трудах и, прежде всего, во «Введении в этническую психологию» [Шпет, 1989], он модифицировал содержание понятий «народ» и «дух» [Там же. С. 478], в своем последнем прижизненно изданном труде Шпет преобразует то, что ранее понималось под «внутренней формой». Он вновь трансформирует то, что утвердилось в русской культуре из наследия Гумбольдта благодаря Потебне. Для Шпета, как и для Потебни, состоящее из трех частей слово остается, но если с точки зрения Потебни это количество элементов изменчиво (например, сводимо к двум в некоторых грамматических формах [Березин, 1975, с. 88–93]), то для Шпета эти три элемента постоянны не только в силу своей причастности к любому акту выражения; они также создают динамическую структуру, единственно способную свидетельствовать об активности субъекта.

Наконец, необходимо также отметить, что если Потебня и проводит различия в некоторых случаях между смыслом и значением, то это не соответствует тому процессу конструирования слова, о котором было только что сказано. Для Потебни слово приобретает смысл только в предложении и не содержит ничего большего, чем репрезентативное значение [Там же. С. 88]. Для Шпета же, напротив, вопрос о различии между формой и содержанием суть вопрос внешний по отношению к базовой структуре, – так же, как устраняется этой структурой вопрос о различиях между внутренней и внешней формой. С точки зрения Шпета, три элемента внутренней формы слова есть в то же время содержание и форма того, что высказывается.

Проведенное сопоставление идей Потебни и Шпета относительно природы слова, базировавшихся на критическом анализе работ Гумбольдта, позволяет нам вернуться к Николаю Лескову.

В самом деле, так же, как обращение к идеям Потебни позволяет настаивать на той роли, которую придает Лесков этимологии (и тем самым всему, что утверждает представления о языке в популярной традиции), размышления Шпета о языке, его новое определение внутренней формы слова, включающее имплицитную критику этимологии, отсылающее к структурным основаниям любого изложения, также позволяет вернуться к творчеству Николая Лескова, особенно к тем его аспектам, которые были подчеркнуты Ж.-К.Маркаде (Jean-Claude Marcadé) и К.Жери (Catherine Géry)[4].

Осуществляемая Лесковым «реэтимологизация» (термин Ж.-К.Маркаде) суть творчество, которое опирается на возможности, открываемые «устной сказкой» (сказом) и, следовательно, на склонность человека выражать смысл оригинально и персонифицированно. Но она также опирается и на квазионтологическую базовую структуру, открытую Шпетом в результате своего одновременно феноменологического, герменевтического и логического анализа. Способность человека к творчеству, понимаемая как собственное вмешательство в нечто, уже существующее, включено в данную структуру, что позволяет прояснить как процесс создания новых понятий, так и процесс поэтического творчества.

И действительно, у Густава Шпета, как и в «Логических исследованиях» Гуссерля, можно видеть «возвратный» ход мысли, когда анализ, начинаясь с того, что только начинает конституироваться, возвращается к тому, что уже зафиксировано в культуре, и заканчивается тем, что утверждает принципы, действительные для любого конституирования. Но работы Шпета представляют особенный интерес потому, что с самого начала своих исследований, критикуя феноменологию Гуссерля, русский философ был ориентирован на приоритет естественного языка. Именно это позволило ему заложить новые основания гуманитарных наук и сделать из «точных», то есть основанных на языке математики, наук не точку отсчета любого познания, а всего лишь одну из отраслей общей семиотики, модель которой существует в общем языке.

Если, в противоположность Потебне, Шпет идентифицирует мысль и язык, то это потому, что, согласно его точке зрения, язык не ограничивается местными наречиями. Он не отсылает также к устной речи, которая была отброшена письменностью, – для того, чтобы в дальнейшем создать в ней, как в случае Лескова, возможности творчества. Язык рассматривается Шпетом с философской точки

зрения. Он есть *логос*, проявляющийся в любом выражении, имеющем смысл. Каким бы ни был использованный язык, он есть проявление того, что Хайдеггер, другой ученик Гуссерля и современник Шпета, называл «привычкой сущности и существования» – привычкой, в которой «смысл существования» не менее важен, чем «существование смысла». И потому язык имеет и онтологическое, и семиологическое значение.

Густав Шпет одновременно довел до конца анализ этих двух аспектов языка. Он вывел из этого структуру, позволившую по-новому увидеть процесс конституирования, постоянно производящийся культурой. Так как литература является пространством, открытым для языкового творчества более, чем какая-либо другая область, то для нее важность данного открытия максимальна, и в этом смысле творчество Николая Лескова – прекрасный пример, иллюстрирующий вышесказанное.

Как отмечает Катерин Жери, за очевидным воспроизведением народного языка, через все модификации и разрушительные игры, которым Лесков подвергает лексику и синтаксис, за всем этим процессом, который Виктор Шкловский назвал «остранением», а Густав Шпет – «отрешением» [Auscourier, 1994][5], стояла еще одна цель: создание «нового реализма», который описывает реальность не в ее проявлениях, а в ее сущности, даже тогда, когда последняя еще только начинает проявляться. Именно поэтому Николай Лесков может быть квалифицирован как «открыватель правды» [Gery, 2002, с. 22], «высшей правды, берущей начало в фантазиях человека» [Там же. С. 24].

«Это словесное творчество, – пишет Катерин Жери, – больше говорит об обозначаемой вещи, так как оно репрезентирует в итоге больше, чем вещь или объект: оно отражает тот результат, который вещь или объект производят. Оно приводит к эмпирическому знанию о явлениях, то есть знанию субъективному, переходящему от понятийного и рационального смысла к смыслу интерпретативному, проверенному опытом и опирающемуся на звуковые подобию, которые являются воспринимаемой оболочкой недавно созданного слова» [Там же. С. 50].

Удивительно, что эта фраза нам представляется иллюстрацией теоретической мысли Густава Шпета. В указанном контексте, а именно – анализе творческой работы Николая Лескова, она отражает по-новому понимаемое творчество, которое присуще любому акту интерпретации и которое Шпет сам осуществлял, подчеркивая функцию герменевтики в открытии правды, присущей творческим актам языка. Освобождение в акте интенционального сознания от простых данных непосредственного чувственного восприятия для того, чтобы с помощью знаков этого восприятия перейти к другой сущности, выражение которой преобразует изначально представленное языком, – такова интерпретация Шпетом феноменологии Гуссерля, которую он будет в дальнейшем использовать в различных областях гуманитарных наук и, в частности, в критическом анализе работ Гумбольдта и Потебни.

Итак, многое из сказанного о творчестве Николая Лескова свидетельствует о той зрелости мысли, которая необходима для поисков изначально скрытого смысла, создающего наиболее глубинную реальность произведения. Иными словами, поисков того, что, как пишет К.Жери, «повторно возвращает человека в мир вещей» [Там же. С. 54], того, что как «договор веры» [Там же. С. 23] скрытно существует между автором и читателем, рассказчиком и слушателем, расширяя горизонты и увеличивая пространство культуры.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321a/фр.

Литература

Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975.

Бибихин В.В. В поисках сути слова // Бибихин В.В. Слово и событие. М.: УРСС, 2001. С. 90–92.

Зинченко В.П. Гетерогенез мысли: подходы Л.С.Выготского и Г.Г.Шпета // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / под ред. Лекторского В.А [и др.] М.: 2006. С. 82–135.

Шнем Г.Г. Введение в этническую психологию // Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 475–574.

Шнем Г.Г. Эстетические фрагменты // Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345–474.

Шнем Г.Г. Сознание и его собственник // Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 20–116.

Шнем Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на тему Гумбольдта // Психология социального бытия / под ред. Т.Д.Марцинковской. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. С. 49–260.

Шнем Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы // Густав Шпет. Мысль и слово: избр. тр. М.: РОССПЭН, 2005. С. 35–190.

Aucouturier M. Le formalism russe. Paris: PUF, 1994. P. 116.

Fontaine J. A.A. Potebnja, figure de la linguistique russe du XIXème siècle // Histoire Epistemologie Langage. 1995. Vol. 17, fasc. 2. P. 95–111.

Géry C. Le skaz de Leskov et le jeu sur la langue // N.Leskov. Le Gaucher et autres récits. Lausanne: L'Age d'Homme, 2002. P. 7–64.

Marcadé J.-C. Les barbarismes étymologiques dans la prose de N.S.Leskov ou la réétymologisation créatrice comme figure du 'conte oral' (*skaz*) // VIIè congrès international des slavistes, IES, Paris. 1973.

[1]. См. об этом его определение языка в работе 1927 года: «Непредвзятый анализ должен строиться иначе. То, что мы непосредственно наблюдаем вокруг себя, когда отрываем язык от окружающей его среды и пробуем решить его загадку, это, конечно, – наш опыт, наши переживания и при этом не «пустые звуки», «выражения», «отражения», а переживания по поводу реальных событий, их внутренней сущности и взаимосвязей. Мы можем использовать любую вещь своего окружения как знак чего-либо – и тогда мы имеем дело не с двумя видами вещей, а с одним из многочисленных средств для их использования. Мы можем выделить особую «систему вещей», которую мы всегда при этом используем. Эта система – язык». [Шпет, 1996].

[2]. «Внешние и внутренние формы не противоречат друг другу и не требуют, одна по отношению к другой, превалирования или отстранения. Они раздельны лишь абстрактно, и необходимым является не окончательный их синтез, а признание существования первоначальной базовой структуры» [Шпет, 1996, с. 65–66].

[3]. См., например: «...говоря о вещах, идеях, предметах, мы не только говорим преимущественно об их «смысле», но и различаем довольно резко между «значением» и «смыслом». Вообще наличность «знака», имеющего «значение», более присуща именно «выражениям», как «высказываниям», в словах или жестах, чем самим предметам как таким. В этом последнем случае «смысл» приобретает более глубокий, более внутренний оттенок, и то, что является знаком, не рассматривается как знак *par excellence*, а его бытие в качестве знака, действительно, входит, как одна из квалификаций предмета. Мы предпочли бы, поэтому, сохранить за термином «значение» в определении Гуссерля присущее ему указание на «содержание» «выражения», тогда как термин «смысл» употреблять для обозначения предмета в его определительной квалификации, как содержания, тогда внутренний смысл самого предмета обозначится как энтелехия [Шпет, 1996, с. 16].

[4]. В данной статье мы опираемся преимущественно на два источника: [Marcadé, 1973; Géry, 2002].

[5]. Параллель, которую мы здесь проводим между Шкловским и Шпетом, не должна скрывать их разногласий. Действительно, хотя исследования ОПОЯЗа совпадают по времени с работами Шпета, его определенное влияние на них нельзя исключить (скорее, его еще следует определить более точно). Исследования Шкловского и Эйхенбаума опирались на другие источники, хотя бы и испытывшие

влияние Шпета, а потому невозможно представить как единое целое те размышления, которые существовали на тот момент одновременно в Москве и Санкт-Петербурге (Петрограде или Ленинграде). Если уж искать проявления влияния Шпета на формализм, то скорее надо обратиться к концу двадцатых годов и, в частности, к периоду, когда Тынянов, находясь под влиянием Якобсона, старался реанимировать ОПОЯЗ на более теоретических основаниях – см. об этом: [Auscourier, 1994, с. 116]. Мы можем лишь с уверенностью утверждать, что существовал некий общий культурный контекст, в котором исследования поэтики опирались на общие направления русского и западного языкознания (см., например, об этом у Якобсона, Якобинского), но очень схожие умозаключения, к которым приходили представители ОПОЯЗа в Санкт-Петербурге и члены Лингвистического кружка в Москве, происходили из различных посылок, и московская линия, несомненно в силу присутствия Густава Шпета, была гораздо более теоретической. Ссылки на поэтические тексты у Густава Шпета есть иллюстрации его философских размышлений. Для петербуржцев же первична была именно работа над текстами.

Дата публикации 18 апреля 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Денн, Мариз (Dennes, Maryse). Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня Бордо 3, Бордо, Франция. Почтовый адрес: Université Michel de Montaigne Bordeaux 3, Domaine universitaire, 33607 Pessac cedex, France.

E-mail: maryse.dennes@u-bordeaux3.fr

[Ссылка для цитирования](#)

Денн М. Творчество Н.Лескова с позиции концепции внутренней формы слова Г.Шпета и А.Потебни [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)